

УДК 82.091 ; 821.161.1.09"18"

В. Н. Крылов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
krylov77@list.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ КРИТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(М. ЦВЕТАЕВА В ПОЛЕМИКЕ С В. БРЮСОВЫМ)**

В статье рассматриваются творческие отношения Цветаевой и Брюсова в аспекте диалога поэта и критика. Привлекаются новые материалы из наследия Цветаевой. Делается вывод о том, какую роль сыграл диалог с Брюсовым в формировании эстетических взглядов Цветаевой.

Ключевые слова: М. Цветаева, В. Брюсов, диалог писателя и критика

V. N. Krylov

Kazan (Volga Region) Federal University
krylov77@list.ru

**FROM THE HISTORY OF LITERARY CRITICISM
OF THE EARLY 20TH CENTURY
(MARINA TSVETAEVA IN CONTROVERSY WITH VALERY BRYUSOV)**

The article discusses creative relationship of Marina Tsvetaeva and Valery Bryusov in the aspect of dialogue of the poet and the critic. New materials are drawn from the heritage of Marina Tsvetaeva. It is concluded what a role the dialogue with Valery Bryusov played in shaping of Marina Tsvetaeva's aesthetic views.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Valery Bryusov, author-critic dialogue.

История отношений Цветаевой и Брюсова неоднократно описывалась в научной литературе (работы А. Саакянц, И. Шевеленко, Б. Сиволова, О. Клинга и др.). Но обычно этот «сюжет» рассматривается как элемент творческой биографии Цветаевой, в контексте ее дебюта и начинающейся известности. В нашей статье предпринята попытка рассмотреть отношения Цветаевой и Брюсова в свете проблем писательской критики (диалог критика и писателя, рецепция критики поэтом, формы этой рецепции с учетом эстетических взглядов поэта и т. д.).

Отношения между критиками и писателями в целом носят достаточно сложный характер. Не случайно русская критика так долго отстаивала свое право на существование. Первые критические отзывы писатели XVIII века воспринимали чуть ли не как оскорбление, независимо от их тона и характера. Но и в дальнейшем конфликтность отношений критиков и писателей не уменьшилась, что связано с психологическими особенностями деятельности критика. Ведь еще В. А. Жуковский писал о том, что «звание критика соединено само по себе с некоторыми неизбежными опасностями: критик имеет дело с самолюбием и, что всего важнее, с самолюбием авторским (которое по своей раздражительности занимает первую степень между всеми родами самолюбия)» (4, 73).

Отсюда – «обиды» художников на критиков. Одни из них имели в основе пафос защиты прав искусства на самостоятельный поиск истины и неизбежной зависимости критики от литературы, другие – могли быть вызваны менторством критиков, частными оценками. Особенно болезненно воспринимается вхождение критика в частную жизнь писателя. Все это свидетельствует о важной, но одновременно и крайне сложной позиции критика во взаимоотношениях с автором. Но представление о том, что для писателя критика может не иметь никакого значения, можно отнести к разряду мифов. На самом деле грани отношения писателя к критике многообразны.

На одном полюсе находится индифферентное отношение, хотя в глубине оно отражает несоответствие существующих подходов критика тем идеалам, которые есть у художника. На другом – позиция писателя, крайне болезненно оценивающего все, что говорится о нем. Между этими полюсами находятся самые многообразные способы творческого диалога

писателя с критиком. В том случае, когда критик, действительно, искренне заинтересован в судьбе художника, когда его профессионализм сочетается с позицией собеседника, писатель всегда заинтересован в таком критическом понимании.

Все эти аспекты отношений писателя и критика определяют и конкретные *жанровые формы*, отражающие особенности творческого диалога писателя с критиком (собственно жанры писательской критики, переписка, мемуары, дневники, записные книжки).

Однако наиболее «естественной» для писателя становится чисто *художественная* форма рецепции. Критик как *личность* может быть составной частью художественного мира произведения – эпического, лирического, драматического, где изображение подчинено жанровым принципам изображения человека. Стихотворные произведения, выступая декларацией творческого кредо поэта, могут содержать явные и скрытые отсылки к литературной жизни эпохи, в том числе включать и реминисценции из критических отзывов.

Несмотря на то, как писала А. Цветаева, «Марина имела основание, кроме его критики стихов ее, не любить Брюсова» (11, 414), тем не менее, она испытала в раннем творчестве влияние мэтра русского символизма (от притяжения к отталкиванию) (9). В письме Петру Юркевичу, другу отроческих лет, Цветаева приводит в пример Брюсова как образец не «горения» в творчестве, а «замерзания»: «Вот Брюсов, – забрался на гору, на самую вершину (по его мнению) творчества и, борясь с огнем в своей груди, медленно холодеет и обращается в мраморную статую» (13, 21–22). Она не приемлет такой способ жизненного и творческого поведения.

Брюсову, как известно, Цветаева посвятила свою первую, неопубликованную при ее жизни рецензию на сборник «Пути и перепутья» – «Волшебство в стихах Брюсова» Уже в этой ранней статье проступают контуры ее взгляда на существо подлинной (в ее понимании) критики. Продолжая в какой-то мере традицию символистской критики (не в ее формалистической тенденции, представленной Брюсовым и отчасти А. Белым, а импрессионистски-субъективной), Цветаева утверждает: «Доказать волшебство – в лице ли, в голосе ли, в стихах ли – невозможно» (14, 226). Из всего множества брюсовских стихов она выделяет наиболее проникновенные, отмеченные «волшебством» и даже пытается защитить его от обвинений в холодности. В конце рецензии Цветаева обмолвилась: «Измена романтизму; оскорбление юности в намеренно-небрежной критике молодых поэтов... – да простится все это Брюсову за то, что и в его руках когда-то сверкал многогранный алмаз волшебства» (14, 229). Здесь Цветаева как бы предугадывает: ведь своего рода «жертвой» такой критики вскоре станет и она.

Цветаева посылает Брюсову экземпляр первой книги «Вечерний альбом» с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову с просьбой посмотреть. Марина Цветаева 4 декабря 1910 г.». На последней странице сборника Брюсов оставил запись: «Хорошая школа. Но все немного избито, известно, пресно (нрзб.), много приторных умилений. Нет настоящей страсти...» (10, 15). Вскоре Брюсов развивает эти мысли в первой рецензии на сборник «Вечерний альбом». Нужно учесть, что статья Брюсова «Новые сборники стихов» посвящена не только Цветаевой, но и сборникам других молодых поэтов, в ней оценивались 16 сборников за последние 3–4 месяца 1910 года. То есть перед нами жанровая форма *обзорной рецензии* (или полирецензии). Брюсов оценивал сборник Цветаевой *в ряду* книг других начинающих поэтов. На фоне общей оценки, данной во введении, суждение Брюсова о Цветаевой выглядело скорее похвальным. Публикаторы переписки Брюсова с Гумилевым Р. Д. Тименчик и Р. Л. Щербаков указывают на то, что «брюсовские рецензии на стихотворения А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута, Е. Кузьминой-Караваевой, в общем положительные, обязательно содержали «ложку дегтя» (6, 405). Казалось бы, в основном отзыв хвалебный, но его «конец несет налет некоторой безнадежности»: «Гумилев пишет и будет писать прекрасные стихи: не будем спрашивать с него больше, чем он может нам дать» (6, 405). Тот же принцип

обнаруживается и в рецензии на Цветаеву. Исследователи уже справедливо подчеркивали, что в сборнике Цветаевой «Брюсов не обнаружил именно тех недостатков, которые он считал наиболее характерными для современной поэзии» (18, 29), т. е. рецензия Брюсова не была отрицательной, однако в стихах Цветаевой он выявил другие недостатки. Он выступил против своеобразной «домашности» дебютной книги. С одной стороны, стихи Марины Цветаевой «всегда отправляются от какого-нибудь факта, от чего-нибудь действительно пережитого» (и это, с точки зрения Брюсова, несомненное достоинство Цветаевой, в отличие от оторванности современной поэзии от запросов жизни), с другой – «непосредственность ... переходит на многих страницах толстого сборника в какую-то «домашность. Получаются уже не поэтические создания (плохие или хорошие, другой вопрос). Но просто страницы личного дневника, и притом страницы довольно пресные» (2, 339).

Не могло не задеть юную Цветаеву, возможно, и следующее общее рассуждение из начала рецензии, где Брюсов употребляет по отношению к ней явно снижающие сравнения («... другие едва умеют выразить свою мысль в стихотворных строчках, затруднены и стеснены размером и рифмою, как девочка-подросток длинным платьем») (2, 332). Если учесть, что пятнадцать из шестнадцати поэтов – героев рецензии были мужчинами, то Цветаева вполне могла отнести это сравнение к себе. Но, видимо, самое обидное для нее содержалось в своеобразной рекомендации (прогнозе) Брюсова, стремившемся бережно направить Цветаеву: «Мы будем также ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые, чем те милые пустяки, которые занимают так много места в “Вечернем альбоме”, и мысли более нужные, чем повторение старой истины: “надменность фарисея ненавистна”. Несомненно, талантливая, Марина Цветаева может дать нам настоящую поэзию интимной жизни и может, при той легкости, с какой она, как кажется, пишет стихи, растерять все свое дарование на ненужные, хотя бы и изящные безделушки» (2, 340). По точной характеристике А. Павловского, смысл рецензии Брюсова заключался «в постановке диагноза, а диагноз был таков: если в следующей книге детская болезнь повторится, то никакого поэта с именем Марина Цветаева никогда не будет» (8, 65).

Во втором сборнике «Волшебный фонарь» Цветаева поместила своеобразный ответ критику (по позднему ее признанию, она открывала военные действия против – Брюсова) (12, 162), содержащий реминисценции из этой рецензии:

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли,
Не изменишь, всё равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.
Нужно петь, что всё темно,
Что над миром сны нависли...
– Так теперь заведено. –
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано! (15, 154).

В нем Цветаева «декларировала свое сознательное отмежевание от тем и настроений, которые считались соответствующими духу современности» (18, 31). С этой же позицией связано и стихотворение «Литературным прокурорам»: «за изложенной в нем авторской программой стояло убеждение, что литературная мерка, с которой подошли к ее первому сборнику некоторые критики, была неуместна» (18, 31). Нельзя не учитывать и такой мотив цветаевского язвительного ответа: она «ждала большего, чем литературной оценки», ждала понимания, «язвительный стихотворный ответ в “Волшебном фонаре” на напутственные слова брюсовской рецензии свидетельствовал, прежде всего, об остроте переживания по поводу обманутых ожиданий» (2, 33).

В оценке второго сборника «Волшебный фонарь» Брюсов отчасти сошелся и с другими критиками, но все же его отзыв звучал более безнадежно и в то же время иронично (как Цветаева включила в стихотворение цитаты из критического отзыва, так и Брюсов использовал тот же прием): «Верна себе и г-жа Цветаева, продолжая упорно брать свои темы из области узко интимной личной жизни, даже как бы похваляясь ею (“острых чувств и нужных мыслей мне от Бога не дано”). <...> Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто “альбомных” стишков, которые если кому интересны, то только ее добрым знакомым» (2, 372). Как спустя годы вспоминала Цветаева свое восприятие этого отзыва: «Слова из его первого отзыва, взятые мною в кавычки, как *его* слова, были явлены без кавычек. Я получалась – дурой» (12, 162). Заметим, что сам отзыв о Цветаевой давался в обрамлении суждений о «массовых» «поэтессах Л. Столице, Гусевой и Коковцевой, что, конечно же, принижало значимость ее лирики. Но не забудем и того, что в оценке второй книги Цветаевой практически сошлись мнения Брюсова, Гумилева, Городецкого и даже «рядовой» критики того времени (1, 251). И все же именно Брюсову было обращено новое послание из сборника «Из двух книг»:

Я забыла, что сердце в Вас – только ночник,
 Не звезда! Я забыла об этом!
 Что поэзия ваша из книг
 И из зависти – критика. Ранний старик,
 Вы опять мне на миг
 Показались великим поэтом (15, 175).

В очерке о Брюсове «Герой труда» она вспоминала, что этот «стих возник ... не после рецензии, а после сна о нем, с Ренатой, волшебного, которого он никогда не узнал» (12, 163).

Видимо, Брюсов все-таки побуждал Цветаеву к самокритике. Пожалуй, следует принять во внимание мысль Н.А. Богомолова, внесшего некоторые коррективы в представления об отношениях Цветаевой и литературного мира: «Думается, не будет преувеличением сказать, что на всю ее последующую эволюцию как поэта мнение Брюсова оказало серьезное воздействие, и больше всего она боялась оправдать его пророчество о возможности «растратить все свое дарование на ненужные, хотя бы и изящные безделушки <...>. Безжалостно ограничивая количество написанного, Цветаева тем самым, не говоря этого открыто, признает правду критиков, а не своих друзей, восторженно принимавших каждую строчку» (1, 251–252). Нельзя не согласиться с точкой зрения Майкла Мейкина, который в монографии «Марина Цветаева: поэтика усвоения» доказывал, что многое в первом сборнике Цветаевой «принципиально чуждо зрелой поэзии автора» (7, 29). В послании «В. Я. Брюсову» отчетливо звучит мотив *зависти* критика, который станет определяющим во всем, что она будет писать о Брюсове потом. Признавая на практике некоторую правоту Брюсова-критика, она никогда не будет разделять брюсовский подход к поэзии.

На обвинение в «зависти» Брюсов хотел ответить в заметке (оставшейся неопубликованной при его жизни) «Об отношении к молодым поэтам»: Жестоко упрека<ли> меня как критика, находя, что я слишком беспощадно отношусь к стихам молодых поэтов; видели в этом даже зависть. <...> Оценивая стихи, я предъявляю поэту требования *высокие* и считаю, что это – долг критика. Право на существование имеют лишь те поэты, которые вносят что-то новое в область поэзии. Перепеватели чужого, хотя бы и искренние, не нужны. Я считаю себя вправе решительно отвергать стихи тех молодых поэтов, в которых не чувствую будущего истинного поэта, а до того, искренно ли писал свои строфы юный стихотворец, “плакал ли” он их сочиняя, мне нет дела» (5, 205–206). Брюсов перечисляет в заметке имена поэтов, которых он «открыл» (И. Коневского, Н. Гумилева. А. Блока, М. Кузмина и др.). Имени Цветаевой в этом ряду нет. Откровенной ошибкой в критической деятельности Брюсова станет оценка

«Верст», где Брюсов заявил, что стихи Цветаевой не достигают условий «абсолютной» художественной ценности (2, 572).

А для Цветаевой обида была довольно устойчивой, она постоянно помнила о несправедливости критика, что нашло отражение в мемуарном очерке «Герой труда» (1925) и статье «Поэт о критике» (1926). В начале 1920-х гг. Цветаева воспринимала Брюсова очень резко и негативно. В письме к М. Волошину (март 1921 г.) она называет Брюсова «гадом», «существом продажным» (13, 386). Чувство несправедливости (опять – на сей раз – при советской власти Брюсов – во главе литературы) не дает ей покоя. Правда, заметим, что такое восприятие позиции Брюсова, как показывают современные исследования, было не совсем верным (3). В Записных книжках она отзывается неприкрыто-откровенно, очень резко на выход собрания сочинений Брюсова: «О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов – и ничего не прибавишь. А о бесчисленных томах полного собрания сочинений Брюсова напишешь только одну книжку – величиной с ахматовскую – и тоже ничего не прибавишь» (16, 150). В них появляется развернутое затем в «Герое труда» сравнение Брюсова с Сальери: «(Начало теоремы: допустим, что Брюсов – Сальери...) С<ергей> Э<фрон> – Знаете, кто настоящий Моцарт – Брюсова. Я: – Бальмонт? С<ергей> Э<фрон> – Пушкин» (16, 162).

Тем не менее, полагаем, Цветаева сумела преодолеть предубежденность, и в полной мере она высказалась об опыте отношений с Брюсовым в мемуарном очерке «Герой труда». После смерти Брюсова она напряженно работает над воспоминаниями о нем. В «Герое труда», по ее собственному признанию, «вопреки отталкиванию», которое он ей внушал, дана «идея его своеобразного величия» (17, 244). И вместе с тем, работа над воспоминаниями позволила Цветаевой еще точнее выразить свое эстетическое кредо относительно критики. Оно выражено в первой части очерка: «Судить о художнике могут – так, по крайней мере, принято думать и делать – все. Судить художника – утверждаю – только художники. Художник должен быть судим судом либо товарищеским, либо верховным, – собратьями по ремеслу, или Богом» (14, 158). Брюсов же, в ее представлении, был антиподом поэту. Эта мысль о поэте и критике становится основной темой большого эссе «Поэт о критике», созданном вслед за воспоминаниями о Брюсове. В этом эссе Цветаева полемизирует с эмигрантской критикой. Цветаева предлагала считать, что ценность произведения искусства абсолютна, а не является продуктом восприятия этого произведения в определенное время и в определенном месте. По её мнению, «задача критика состояла не в придании этой относительности, а в постижении «абсолютного суждения о себе», скрытого в каждом произведении», поэтому «поэт и критик – оба стояли перед лицом Вечности» (18, 92).

Хотя поводом для написания эссе стали статьи о поэтах в эмигрантской периодике (в первую очередь, Г. Адамовича), но в подтексте, не называя имени Брюсова ни разу, она имела, по-видимому, и его, и свой опыт общения с его критикой. Здесь продолжено размышление над тем, *кто не может быть критиком*: «Не доверяю также критикам – не то критикам, не то поэтам. <...> Из таких неудачников обыкновенно выходят критики – теоретически поэтической техники, критики-техники (14, 277). Она как бы вспоминает все прежние обиды по отношению к себе: «И много, много должно воды утечь, обиды набежать, прежде чем поэт, переборов ложный стыд, решится сказать в лицо адвокату – политику – банкиру: “Ты мне не судья”» (14, 279). В эссе появляется (возможно, даже неосознанно) аллюзия на известный «спор» в русской критике о «сапогах и Шекспире»: «Нет непонятных сапог, а сколько непонятных стихов!» (6, 280). Цветаева дает афористическое определение критике: «Кто в критике не провидец, – ремесленник. С правом *труда*, но без права суда. Критик: увидеть за триста лет и за тридевять земель... Критик: абсолютный читатель, взявшийся за перо» (14, 280) (курсив наш. – В. К.).

Пожалуй, лучше всего психологические особенности своего отношения к Брюсову объяснила сама М. Цветаева, спустя годы, уже после смерти В. Брюсова. Самокритично объясняя, что «Брюсов в опыте моих чувств, точнее, в молодом опыте вражды значил для меня несравненно больше, чем я – в его утомленном опыте», она сравнила свою дерзость в обращении к мэтру с отношениями в педагогической сфере: «Дерзала – да, дерзила – да, презирала – нет. И, может быть, и дерзала-то и дерзила только потому, что не умела (не хотела?) иначе выявить своего, сильнейшего во мне, чувства ранга. Словом, если перенести нашу встречу в стены школы, дерзила директору, ректору, а не классному наставнику. В моем дерзании было благоговение, в его задетости – раздражение. Значительность же вражды в прямой зависимости от значительности объекта. Посему в этом романе нелюбви в выигрыше (ибо единственный выигрыш всякого нашего чувства – собственный максимум его) – в выигрыше была я» (12, 163).

Литература

1. Богомолов Н. А. Важная ступень // Вопросы литературы. 1987. № 9.
2. Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894- 1924. М., 1990.
3. Брюсов В. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924. М., 2013.
4. В. А. Жуковский – критик. М., 1985.
5. Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1976.
6. Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994.
7. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М., 1997.
8. Павловский А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. Л., 1989.
9. Ронен О. Часы ученичества Марины Цветаевой // Марина Цветаева. 1892–1992. Норвические симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 2. Вермонт, 1992.
10. Сиволов Б. М. В. Брюсов и М. Цветаева (к истории личных и литературных отношений) // Филологические науки. 1989. №4.
11. Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1983. .
12. Цветаева М. И. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. 2. М., 1998.
13. Цветаева М. И. Письма 1905–1923. М., 2012.
14. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994.
15. Цветаева М. Книги стихов. М., 2004.
16. Цветаева М. Неизданные записные книжки: в 2 т. Т. 1: 1913–1919. М., 2000.
17. Цветаева М. И. Письма 1924–1937. М., 2013.
18. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.